лекции PRO

ИСТОРИЯ XX ВЕКА

А. Б. Зубов

РОССИЯ. 1917. КАТАСТРОФА

ЛЕКЦИИ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Андрей Борисович Зубов
Россия. 1917. Катастрофа. Лекции о Русской революции
Серия «ЛекцииPRO»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43121755
Зубов А. Б. Россия. 1917. Катастрофа: лекции о Русской революции: Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглосс»; Москва; 2019
ISBN 978-5-386-12486-1

Аннотация

Революция 1917 года – поворотный момент в истории России и всего мира, событие, к которому нельзя оставаться равнодушным. Любая позиция относительно 1917 года неизбежно будет одновременно гражданским и политическим высказыванием, в котором наибольший вес имеет не столько беспристрастность и «объективность», сколько сила аргументации и знание исторического материала.

В настоящей книге представлены лекции выдающегося историка и общественного деятеля Андрея Борисовича Зубова, впервые прочитанные в лектории «Новой газеты» в канун столетия Русской революции. Андрей Борисович в увлекательном повествовании обрисовывает полную драматических событий обстановку, предшествующую революции, проводит читателя

через ее эпицентр и подводит итоги, актуальные и для сегодняшнего дня.

Содержание

Вместо предисловия. Русская революция 1917 года: наследие революции сегодня 6
Лекция 1. Россия в 1916 году: сто лет прежде 13
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Андрей Зубов
Россия. 1917. Катастрофа. Лекции о Русской революции

© Зубов А. Б., 2019
© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Данная книга основана на курсе лекций, прочитанных А. Б. Зубовым в рамках проекта «Кафедра истории „Новой газеты"».

Вместо предисловия. Русская революция 1917 года: наследие революции сегодня

Русская революция 1917 года стала поворотным моментом не только русской, но и мировой истории, подобно Реформации за 400 лет до неё или Французской революции конца XVIII века. Впервые в истории был создан прочный террористический экспансионистский режим, силой уничтоживший частную собственность, религию и само право на жизнь как собственных подданных, так и всех иных людей, до которых достигала его власть. За время своего существования режим, созданный Революцией 1917 года, лишил жизни различными способами во всём мире, прямо или косвенно (через созданные и поддерживаемые им аналогичные режимы) до ста миллионов людей, а собственности – до полутора-двух миллиардов людей.

Русская революция стала причиной прихода к власти в 1920–50-е годы во всем мире различных тоталитарных/авторитарных режимов – фашистского в Италии, нацистского в Германии, франкистского в Испании, кемалистского в Турции, баасистских на Переднем Востоке. Вторая Мировая война во многом стала результатом победы большевиков в России в 1917–1922 годы. Одновременно опасность захвата

власти опирающимися на массовое недовольство радикальными силами заставила правившие в демократических государствах элиты пойти по пути широкой имплементации новой социальной политики, имевшей целью создание обществ с большим уровнем равенства в социальных правах, т. н. обществ всеобщего благоденствия, что и было осуществлено в странах Европы и Северной Америки в 1960-е годы.

Возникшая в результате Революции 1917 года и расширившаяся на треть земной суши к 1980-м годам мировая коммунистическая система рухнула в 1989–1991 годах из-за полной внутренней несостоятельности и неконкурентоспособности с иными сообществами. Тогда освободились от коммунизма страны Восточной и Центральной Европы, распалось коммунистическое государство на территории исторической России – СССР. Коммунистический режим сохраняется до сегодня только в нескольких государствах Азии (Китай, Вьетнам, Северная Корея) и на Кубе. Из бывших коммунистических сателлитов поныне существует, благодаря РФ, режим Асадов в Сирии.

После краха коммунистического режима в России и Европе две группы послекоммунистических государств развивались несходно. Бывшие коммунистические государства Европы вне СССР (включая и Балтийские страны) избрали путь системной декоммунизации – т. е. восстановление элементов докоммунистической государственности, правопреемство с докоммунистической правовой системой, восста-

новление прав собственности, нарушенных в коммунистический период, люстрация лиц, активно участвовавших в деятельности коммунистических режимов, роспуск политической полиции и раскрытие её и партийных архивов, ликвидация символики коммунистического прошлого (топонимика, скульптура, геральдика и т. п.). Эти страны успешно интегрировались в Европейский Союз и НАТО и в настоящее время, несмотря на ряд проблем, стали органической частью демократического мира.

Иначе сложилась судьба 12 республик бывшего СССР. Они не пошли по пути системной декоммунизации. У власти в них сохранились или вскоре восстановились старые коммунистические элиты. Собственность была не возвращена потомкам бывших владельцев, а распределена между представителями этих элит. Ряд этих стран и не начинали экспериментов с демократией (Туркмения, Узбекистан), другие постепенно от них отказались (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Россия, Украина, Казахстан, Грузия). Коммунистическая идеология была заменена на националистическую, и собственность передана в руки доверенных лиц, фактически не являющихся её владельцами, а только управляющими. Политическая же власть, соединенная с правом распоряжения всей приносящей доход собственностью, осталась или возвратилась в руки авторитарного правителя, его личных друзей и слуг (условная частная собственность). Большинство общества в этих странах вновь лишилось полити-

ческих, имущественных и гражданских прав, обретённых в результате краха коммунистического режима, и живёт в бедности, побуждающей к эмиграции.

В результате революционных выступлений в Грузии и Украине, а в апреле-мае 2018 года и в Армении были сброшены такие авторитарные послекоммунистические режимы, однако и эти страны не обратились к опыту системной декоммунизации и остаются в промежуточном пространстве между успешными странами Центральной Европы и авторитарными режимами иных стран – наследниц СССР (исключая Молдавию, которая по форме политического порядка близка к нынешним Грузии и Украине). Перед этими четырьмя странами – Грузией, Украиной, Молдавией и Арменией – ныне открыта возможность интеграции в Европу, и, очень вероятно, они этой возможностью воспользуются, хотя перспектива интеграции без системной декоммунизации остается проблематичной.

В Белоруссии и Российской Федерации в последние годы набирает силу противоположный процесс – «большевицкого реваншизма». Сохраняя право условной частной собственности для своих друзей, правящие в этих странах режимы всё более упрочивают авторитарную тенденцию политической власти, меняют для этого конституционные и иные правовые нормы, устанавливают полный контроль над СМИ, не останавливаясь и перед внезаконным насилием над инакомыслящими и политическими оппонентами. При этом

преступления коммунистического периода замалчиваются, личности большевицких тиранов (Ленина, Сталина) и их приспешников (Дзержинского, Кирова, Берии) возвеличиваются и обеляются, нынешние службы безопасности всячески подчеркивают своё органическое продолжательство с аппаратом насилия коммунистического времени (20 декабря 2017 г. ФСБ РФ отмечала столетие своего существования, которое она ведёт от созданного Лениным ВЧК), а в конце октября 2018 г. на государственном уровне праздновалось столетие ленинского Комсомола.

При этом, как и в позднесталинское время (1943–1953 годы), в идеологии коммунизм подменяется государственничеством. Русское царство, Петербургская Империя и СССР считаются одним государством, а их правители – князья, цари, Императоры, генеральные секретари – преемственным рядом «вождей», завершающимся ныне правящим В. Путиным. Знаменательно, что в сентябре 2017 года в Москве была открыта «аллея правителей», монументально прославляющая это преемство верховной власти от Владимира Святого до Владимира Путина. Из истории России вымарывается или однозначно осуждается только то, что связано с борьбой общества за свободу и достоинство личности: движение декабристов 1825 года, Великие реформы Александра II, земское движение, парламентское предреволюционное десятилетие (1906–1917), антибольшевицкое Белое движение 1917–1922 годов… и сама Революция 1917 года, потому что

это – свержение законной власти и движение широких народных масс.

Массовое общественное движение и тем более захват власти в результате умелого использования какой-то политической силой радикальных общественных настроений – предмет ужаса для нынешних авторитарных правителей, контролирующих власть и собственность в большинстве стран – наследниц СССР. Они бы хотели, чтобы их подданные видели непрерывное преемство «богоданной» власти из древности до сего дня без каких-либо социальных потрясений и не соединяли его с положительным опытом массового революционного действа, обрушивающего «законную власть», всё равно, царскую или путинскую.

Поэтому столетие Русской революции, так или иначе отмечаемое во всём мире, игнорируют власти Российской Федерации, Белоруссии и иных авторитарных государств – наследниц СССР.

В марте 2014 года «Новая газета» предложила мне кафедру Русской истории. Совершенно понятно, что накануне и в сам год столетия русской катастрофы я уделил несколько лекций этому величайшему событию мировой истории, скорее всего единственному событию всемирного значения, свершившемуся в России. И когда издательство «РИПОЛ классик» предложило мне издать эти лекции, я с радостью согласился, желая тем хотя бы отчасти заполнить то мотивированное для власти, но незаслуженное забвение, которым в

нашей стране было покрыто столетие Русской революции.

Я благодарен «Новой газете» за любезное разрешение издать текст этих лекций, а также и двух статей, опубликованных в газете в конце 2017 года и посвященных той же теме.

При подготовке книги я существенно отредактировал распечатки лекций, превращая устную речь в письменный текст, снабдил этот текст рядом поясняющих ссылок и указаний на источники. Надеюсь, в этом виде лекции окажутся интересны тем, кто слушанью предпочитает вдумчивое чтение.

И наконец, последнее. Ныне российская самочинная авторитарная власть уже совершенно беззастенчиво демонстрирует собственное преемство от ленинско-сталинского режима. Нам, гражданам России, полезно здесь вспомнить, что есть источник этого преемства, каким было начало того режима, который нынешние правители желают сделать объектом ностальгических рефлексий и, боюсь, образцом для подражания.

Именно ради такого припоминания я предлагаю эти восемь лекций отечественному читателю.

Лекция 1. Россия в 1916 году: сто лет прежде

Сегодня мы будем говорить о том, что было сто лет назад в России. Вовсе не потому, что сейчас есть абсолютное сходство с тем, что было сто лет назад. Скорее, сходство не так велико, но в чём-то оно не велико, а в чём-то оно и не мало. И как раз подумать над этим, проанализировать – наша сегодняшняя задача. История, как известно, должна учить, вот этим мы и займёмся.

1916 год был вторым годом тяжелейшей войны. Россия находилась в совершенно экстремальном режиме в своём существовании. На военные действия каждый день тратилось пятьдесят миллионов золотых рублей. Это огромные деньги. Война требовала всё новых людских жизней. Счёт погибших вёлся уже на многие сотни тысяч.

Первые успехи на поле брани, которые пришлись на конец 1914-го – начало 1915 года, когда Русская армия вышла к перевалам Карпат, ведущим в Венгерскую долину, закончились. С апреля 1915 года наступил тяжёлый период поражений. Всё это, опять же в двух словах напомню, было не случайно. Первый период успеха объяснялся в основном тем, что Германия пыталась осуществить идею плана Шлиффена, блицкрига на Западном фронте. Поэтому основные силы

именно Германской армии были брошены на Запад. Против России должна была в основном воевать Австрийская армия. А немногочисленные и второразрядные немецкие войска, и то после некоторых споров в Германском Генштабе, должны были только сдерживать удар русских войск. Сначала планировалось даже, в случае необходимости, отойти до Вислы, оставить Кенигсберг, только бы на Западном фронте взять Париж и принудить Французскую армию к капитуляции. Но Париж взять, как известно, ни в 1914 году, ни вообще во время Первой Мировой войны не удалось. Франко-британские армии стояли насмерть. План Шлиффена полностью провалился. И тогда, как раз зимой 1914/15 года, немцы готовят новый план. Этот план заключался в том, чтобы вывести Россию из войны. Для этого предполагалось переместить большую часть немецких войск на русский фронт, оставив в 1915 году только сдерживающие силы на Западном фронте. И, выведя Россию из войны, принудив её к сепаратному миру, бросить после этого все силы против Италии, Франции и Англии и добиться полной победы в 1916 году. Вот таков был новый план Германской армии. Он верстался быстро из-за неудачи плана Шлиффена, и 15 апреля 1915 года началось знаменитое наступление 11-й Германской армии генерала Августа фон Макензена в Польше. Это наступление велось с превосходством живой силы противника, но главное, это было наступление с огромным превосходством технических средств.

Мы, русские, удивительным образом никогда не готовы ни к зиме, ни к войне. Хотя вроде бы суровая зима естественна для России. И поскольку русский человек, как ни странно, любит воевать – у нас полно воинственных бравурных песен, вроде «на штык и на ура!», – то мы должны быть готовы и к войне. Но и там, и там мы всё время оказываемся не готовы. И мы оказались не готовы к Первой Мировой войне, мы планировали краткосрочную войну, тот самый «блицкриг», а война оказалась длительной. И наша промышленность, это известно, не смогла вытянуть производство ни ружей, ни снарядов, ни патронов, ни пулемётов, ни новых вооружений, таких как миномёты, – ничего мы не смогли производить в нужном количестве. И как раз к наступлению Макензена в Русской армии обнаружился глубочайший голод вооружения. Русская армия покатилась назад.

Я скажу сейчас вещь не патриотичную, но, к сожалению, объективную. Русская армия воевала плохо. У нас сейчас только что говорили обратное, вот тут рядом (с редакцией «Новой газеты») располагается Военно-историческое общество, всякие статуи, штыки, сапоги. Но ведь вы понимаете, вопрос не в эмоциях, вопрос в цифрах. Считается, что армия тем лучше, чем у неё соотношение потерь превалирует в сторону так называемых кровавых потерь, то есть убитыми и ранеными. Чем больше убитых и раненых относительно сдавшихся в плен, тем в ней выше моральный дух, тем лучше она оснащена, тем лучше она воюет. В Немецкой армии

в Первую Мировую войну и во Французской соотношение кровавых потерь к сдавшимся в плен было 1 к 3: на трёх убитых и раненых один сдавшийся в плен. В Английской армии – 1 к 5: на пять убитых и раненых один сдавшийся в плен. У нас было соотношение обратное – на трёх сдавшихся в плен один убитый и раненый. За первые полтора года войны в Русской армии чуть меньше 400 тысяч человек было убито и ранено и примерно полтора миллиона человек попало в плен. Так что Русская армия воевала плохо в целом. Хотя и мужественно, временами и на отдельных участках под руководством талантливых генералов – умело. Тем не менее огромная людская масса – Русскую армию называли в Европе «паровым катком» – должна была компенсировать низкое качество армии. И союзники это видели.

Русская армия под ударами 11-й Германской армии в 1915 году потерпела очень тяжёлое поражение, фронт отодвинулся далеко на восток и стабилизировался на линии Рига – Двинск – Ровно – Тернополь, мы отдали территорию с 23 миллионами населения, то есть примерно 13 % населения России. Погибло более 45 тысяч офицеров, и в строю к концу 1915 года оставалось 870 тысяч человек, это примерно 1/3 той Русской армии, которая вступала в войну в 1914 году. То есть наша армия была если и не разбита, то очень сильно потрёпана. Мы потеряли самые промышленно развитые губернии: Польшу, значительную часть Прибалтики. Это было тяжёлое поражение.

И все же Русская армия смогла выйти из клещей Макензена. Это был огромный, хотя и печальный успех, в том смысле что это было отступление. Талантливый генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев, командовавший с середины марта 1915 года русскими войсками Западного фронта, вывел из Польши Русскую армию, даже смог эвакуировать часть заводов, Варшавский университет и вывести часть населения, которое хотело уйти от немцев. Главная цель Германской армии – капитуляция Русской армии и сепаратный мир на Восточном фронте – достигнута не была. Закрепившись на новых рубежах, остановив обескровленную Немецкую армию (было всё-таки отступление с контрударами, а не бегство), Русская армия сорвала планы Германии на ликвидацию Восточного фронта.

Совсем не русский историк и человек, очень критически настроенный к старой России, Ричард Пайпс в своей книге «Русская революция» пишет: «И всё же можно утверждать, что блестящая победа немцев в 1915 году привела к поражению Германии в 1918-м. Наступление 1915 года на Восточном фронте имело двойную цель: разгромить вражескую армию в Польше и заставить Россию выйти из войны. Ни та, ни другая цель не были достигнуты. Русские умудрились увести свои войска из Центральной Польши и не просили мира… При всех блестящих боевых успехах, достигнутых в кампании 1915 года, в целом её всё же приходится признать крупным стратегическим поражением – поскольку кампания так

и не достигла своих непосредственных целей и в ходе её было упущено драгоценное время. И вместе с тем великое поражение России в 1915 году можно считать и величайшим, хоть и невольным её вкладом в конечную победу союзников»[1]. Это – сдержанное, но очень объективное суждение.

Если на основном фронте, на европейском фронте, события развивались таким тяжёлым образом для России, то на Кавказском фронте, втором Русском фронте Великой войны, они развивались для России успешно практически с самого начала. Фактически Кавказским фронтом при старом и неинициативном главнокомандующем графе Воронцове-Дашкове командовал талантливый генерал Николай Николаевич Юденич. Один из гениев войны, как потом оказалось. Николай Николаевич Юденич сумел в нескольких сражениях поздней весны 1915 года полностью остановить наступление превосходящей русских численно Турецкой армии и в Мушской долине Западной Армении разгромил Турецкую армию, применив блестящий маневр, который осуществил в своё время при Маренго Наполеон и который очень редко решаются применять полководцы. Турецкая армия, очень мощная, наступала на левый фланг Русской армии своим правым флангом и теснила его, речь шла о девяноста батальонах, это была крупная операция. И Юденич вместо того, чтобы помочь отступающим, ударил со своего правого фланга в левый фланг Турецкой армии, опрокинул

---

[1] *Р. Пайпс.* Русская революция. М.: Захаров, 2005. Т. 1. С. 302.

его, и после этого Турецкая армия на Кавказском фронте практически только отступала более или менее быстро. Так что здесь, в Малой Азии, успех русских войск был очевиден. Если в европейской России он был относителен, то здесь он был абсолютным.

1916 год в военном отношении сулил передышку. Дело в том, что все союзники, в том числе и Россия, на совещании в декабре 1915 года в Шамбези, входя в положение Русской армии, потерпевшей тяжелейшее поражение и понесшей величайшие потери, принимают решение не требовать от России нового наступления. Для России главное – сдерживать противника, просто сдерживать. Союзники знали, разведка докладывала, что немецкие войска вновь (немцы пользовались тем, что у них широтные железные дороги, их сеть очень хорошо развита, и легко было перемещать войска с Восточного на Западный фронт и обратно) перебрасывают войска на Западный фронт и готовятся к решительному наступлению на Сомме и под крепостью Верден на Маасе. И поэтому для русских важно было просто сдерживать врага, а франко-английские силы, которые за истёкший год несколько укрепились, организовали хорошие тылы, ускоренное производство военного имущества, военной техники и всего, что нужно для войны, будут нести в 1916 году главные тяготы войны. Вы понимаете, что союзники по Антанте играли в кровавую, конечно же (но как иначе во время войны), но очень умную игру. Они заставляли немцев постоянно перебрасывать вой-

ска и технику то на запад, то на восток, то на запад, то на восток. И даже достигая в одном месте известных успехов, но обескровливая себя, германцы с уже ослабленными силами приходили на противоположный фронт, там также их останавливали, обескровливали и таким образом постепенно должны были привести к истощению сил и к гибели.

Это была хорошо скоординированная стратегическая задача войск Антанты. Если сейчас Россия не хочет координировать свои усилия в относительно маленькой Сирии с союзниками по коалиции, то тогда координация и доверие были полными. Именно благодаря полной координации союзных армий кровопролитнейшее сражение под Верденом – самое тяжёлое сражение Первой Мировой войны, в котором французскими войсками командовал потом печально известный маршал Петен, – это сражение, в котором в общей сложности погибло около миллиона человек: примерно 530 тысяч оборонявшихся французов и 460 тысяч наступавших немцев, это сражение немцам так и не удалось выиграть. Верден они взять не смогли, и даже перерезать дорогу, снабжающую Верден оружием из основной Франции (а Верден был почти полностью окружен), они не смогли. Эту дорогу французы называли дорогой в рай, так как очень мало из тех, кто шёл по этой дороге в Верден, возвращался обратно. Грузовики же шли по этой дороге, французские и английские, с временным промежутком в 15 секунд. Вот так снабжался Верден, и он выстоял, естественно, с огромными потерями. Русские не

могли смотреть спокойно на то, как истекает кровью Французская армия и Англо-Французская, которая начала тяжёлое и не очень успешное наступление на Сомме.

И вот, дополняя договорённости в Шамбези, русское командование предлагает начать наступление на Восточном фронте. Это наступление, конечно, не главное, оно – отвлекающее. Сначала принимается решение начать наступление против Германской армии на Северо-Западном фронте, но генерал Алексей Ермолаевич Эверт, командующий Северо-Западным фронтом, боится неудачи. И тогда генерал Алексей Алексеевич Брусилов предлагает провести наступление против Австрийской армии у него на Юго-Западном фронте. Брусилов готовит наступление по всем новейшим правилам военной науки того времени. Совсем незадолго до этого в 1915 году Макензен впервые применил под Варшавой огневой вал – мощнейшую многодневную артподготовку. Теперь к этому же готовит свою армию генерал Брусилов. Австрийская армия не ожидает, что русские после такого тотального отступления 1915 года на что-то способны. Австрийцы решили вывести из войны Италию и из Тироля начинают наступление на Верону, ряд итальянских крепостей находится уже в полной осаде. Италия и союзники теперь просят Россию помочь. Наступление Юго-Западного фронта, которое было намечено на июнь, переносится на май, на две недели раньше.

Теперь надо немного сказать о состоянии Русской армии

в 1916 году, потому что без этого не будет понятно, как смог успешно произойти Брусиловский прорыв, или, как тогда его предпочитали называть, – Луцкий прорыв. Есть такая поговорка в России – русские долго запрягают, да быстро едут. Вот в силу целого ряда причин, о которых я расскажу чуть позже, положение в российской военной промышленности радикально изменилось в 1915 году под влиянием этих ужасных поражений. И русская промышленность заработала с невероятной силой, которой не ожидал никто. Теперь уже на каждую лёгкую пушку – полевую трёхдюймовку был комплект в 300 снарядов. На каждое шести-восьмидюймовое орудие – комплект в 350 снарядов. К началу 1916 года Россия произвела более миллиона винтовок, начала производить в большом количестве (15 тысяч) пулемёты, а на Путиловском заводе – миномёты. Одновременно союзники, увидев, что русским не хватает техники, протянули руку помощи. И огромная помощь союзников, практически равная по величине всему военному производству России, удваивая силы России, потекла в нашу страну через Архангельск и Владивосток. Архангельскую железную дорогу срочно расширили из узкоколейки до нормальной колеи. Одновременно русские и английские инженеры и, кстати говоря, чешские, перешедшие на сторону России из Австро-Венгрии, ударными силами строили (рабочими большей частью являлись китайцы, нанятые на КВЖД) Романовскую железную дорогу от Петрозаводска – города Олонецкой губернии – на

север на Романов-на-Мурмане. Город, который сейчас называется Мурманск, был основан 21 сентября 1916 года как Романов-на-Мурмане. К январю 1917 года эта дорога была полностью введена в строй.

К наступлению на Юго-Западном фронте Россия хорошо подготовилась. Генерал Брусилов оказался смелым и талантливым военачальником. Он, кстати, очень заботился о сохранении солдат, создавал полные копии австрийских окопов в тылу и приучал солдат штурмовать эти окопы, дабы они умели это делать. Наступление готовилось в глубокой тайне, и австрийцы о нём не подозревали.

В итоге, когда началось наступление, тем более на ослабленную Австрийскую армию, она же воевала в Италии, успех был достигнут исключительный. Была отвоевана полоса шириной от 80 до 120 километров в глубину на 350-километровом фронте. Австрийская армия сражалась доблестно, потери русских были велики, но потери австрийцев были колоссальны. После успеха Брусиловского прорыва Австрийская армия уже как отдельная военная сила не представляла опасности, и там, где надо было всерьёз воевать, австрийцы просили помощи немцев. Трёхмесячное блестящее наступление Русской армии сломило Австро-Венгрию. Неприятель потерял до 1,5 млн человек, в том числе около 420 тыс. пленными, из них – 9 тыс. офицеров. Захвачено было 581 орудие, 1795 пулемётов, 448 бомбомётов и миномётов. У противника была отнята территория более чем в 25 тыс. кв. км.

Русские войска освободили Дубны и Луцк, заняли Черновцы, Тернополь, Станислав (ныне Ивано-Франковск), вновь утвердились на перевалах Карпат.

Под влиянием успеха немцев в 1915 году в войну на стороне Центральных держав вступила Болгария. А вот когда началось поздней весной 1916 года наступление союзников на Сомме и в Галиции, тогда в войну вступили одна за другой Румыния, а потом Греция на стороне Антанты. Победа в Великой войне клонилась в сторону Антанты. К январю 1917 года соотношение сил борющихся сторон было уже очевидно в пользу Антанты против стран Центральных держав – на каждых пятерых солдат войск Антанты приходилось только три солдата Центральных держав. Поражение австро-германцев становилось неминуемым, и это прекрасно понимали в Берлине и Вене.

Тем более что и Верден, и Сомма, обе операции 1916 года, были проиграны Германской армией. А на Сомме немецкими войсками командовал кронпринц Рупрехт, наследник германского престола. Ожидали, что он блестяще войдёт в Париж. Но ничего подобного не произошло, никуда он не вошёл. 1916 год был тем поворотным пунктом, когда немцы окончательно поняли, что войну они стратегически проиграли и дальнейшие военные действия могут вестись только ради того, чтобы выйти из войны с наименьшими потерями, а уж никак не с приобретениями.

1916 год был годом огромных успехов Русской армии

на Кавказском фронте. Развивая успехи 1915 года, зимой 1915/16 года генерал Юденич берёт неприступную, казалось бы, крепость Эрзерум. В первых числах января 1916 года над цитаделью Эрзерума развевается штандарт Русской Императорской армии. После этого Русская армия уже катится по верховьям Евфрата, вдоль южного побережья Чёрного моря, занимает Трапезунд, занимает Битлис, земли вокруг озера Ван, и в это же время русские и английские войска входят в Иран и оккупируют его, чтобы его не заняли немцы.

На фронтах войны наступает полный успех. Полковник Нокс, английский представитель при действующей Русской армии, который оставил, я бы сказал, по-военному скучноватые, подробные, но очень интересные по сути воспоминания «With the Russian Army, 1914–1917», пишет: «Перспективы кампании 1917 года были более радужными, чем в марте 1916. Русская пехота была утомлена, но не так, как 12 месяцев назад. Запасы оружия, боеприпасов и техники были больше, чем накануне мобилизации 1914 года, и намного больше, чем весной 1915 или 1916 года. Ежедневно улучшалось командование. Дух армии был здоровым (мы увидим, что это, к сожалению, не совсем так). Солдаты после зимней передышки забыли перенесённые испытания и наступали бы снова с тем же подъёмом, как в 1916 году. Нет сомнений, что если бы ткань нации в тылу не порвалась, Русская армия снискала бы себе новые лавры побед в кампании 1917 года. По всей вероятности, она оказала бы на противника нуж-

ное давление, чтобы сделать победу союзников возможной к концу 1917 года»[2]. «С военной точки зрения не было никаких причин, – писал в то время Уинстон Черчилль (на тот момент министр Вооружённых сил Великобритании), – препятствующих тому, чтобы 1917 год стал годом окончательного триумфа союзников, а Россия бы получила вознаграждение за перенесённые ею бесконечные страдания».

Не менее успешно развивалась и дипломатическая сторона войны. Россия заранее оговаривала, какое «вознаграждение» после победы она желает получить. И союзники, Англия и Франция, которые никогда в прошлом на это не шли (мы помним Берлинский договор 1878-го), теперь готовы идти навстречу России, потому что были бесконечно заинтересованы в ней, во-первых, и верили ей, во-вторых. Между русскими, французами и англичанами, при всех оговорках, которые естественны между демократическими и авторитарными странами, возникло доверие.

Сначала русские требования были невелики. Россия требовала только демилитаризации проливов и передачу себе того, что сейчас называется Клайпеда – район Мемеля по правобережью нижнего течения Немана, входивший тогда в Германскую Империю как часть Восточной Пруссии. Но когда Турция вступила в войну, то планы России резко расширились. 17 марта 1915 г. Российский МИД уведомил союзников: «Ход последних событий привел Его Величество

---

[2] *A. Knox.* With the Russian Army. 1914–1917. London, 1921. Vol. 2. P. 552.

Императора Николая II к убеждению, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть окончательно разрешён в смысле вековых стремлений России. Всякое его разрешение, которое бы не включало в состав Русской Империи города Константинополя, западного берега Босфора, Мраморного моря, Дарданелл, а равно и Южной Фракии по черту Энос-Мидия, было бы неудовлетворительно. Подобным же образом по стратегическим соображениям часть Азиатского побережья, заключающаяся между Босфором и рекою Сакарией и между пунктом, подлежащим определению на берегу Измитского залива, острова Имброс и Тенедос должны быть присоединены к Империи». 27 марта Великобритания и Франция дали согласия на эти претензии России.

Россия заявила союзникам, что она желает после войны получить Западную Армению и озеро Ван, Трапезунд и Эрзерум. Все польские земли – австрийские и немецкие – должны быть объединены с русскими польскими землями. И на этом пространстве предполагалось создать союзное России, полунезависимое Польское королевство, объединённое единой короной с Российской Империей. Союзники идут даже на это. Когда в январе – начале февраля произошло последнее совещание стран Антанты с участием России в Петрограде, Россия уже пользуется полным доверием западных стран Антанты. Территориальные претензии России к Центральным державам все согласованы и одобрены.

Наконец буквально два слова об экономике. Экономика

России поднялась, не вся, конечно. Финансовая система была в тяжёлом состоянии. Россия была вынуждена брать большие кредиты. Золотое обеспечение рубля упало, и соответственно инфляция выросла фактически в семь раз. Накануне войны рубль был обеспечен на 98 % золотом. Но к 1917 году он был обеспечен золотом только на 17 %. Это говорит об общей слабости русской экономики. Но тем не менее подъём оборонной промышленности был налицо.

В чём тут дело? Государство убедилось в своей несостоятельности как организатора военной промышленности, каким оно считало себя всегда. Государственная власть убедилась, что она одна организовать ничего не может. В России был мощнейший класс частного капитала, частного предпринимательства, крупнейшие заводы. И эти капиталисты протянули руку государству, но не безвозмездно. Они ожидали, что им будет дана возможность участвовать и в политическом управлении страной. В мае 1915 года, как раз в период тяжелейших отступлений, на Съезде русской промышленности было принято решение создать Военно-промышленные комитеты, объединяющие государство и частный капитал, – под формальным руководством, конечно, премьер-министра государства, но фактически ими руководил частный капитал. Фактически во главе Военно-промышленных комитетов встал замечательный человек, потом глубоко переживший свою ошибку 1917 года, – Александр Иванович Гучков. Рядом с ним были такие люди, как Терещенко, Коновалов,

братья Рябушинские, Алексей Мещерский – владелец Коломинских и Сормовских заводов, очень мощный круг крупнейших русских промышленников. Это была очень сильная организация, которая смогла создать по предложению Рябушинского систему Военно-промышленных комитетов по всей России. Было создано около 240 Военно-промышленных комитетов, то есть практически в каждой губернии было два, а то и три-четыре Военно-промышленных комитета. Это было полностью организованное, но не централизованное распределение сырья, заказов, топлива, транспортных услуг и, естественно, рабочей силы. Это дало невероятный успех. Союзники не ожидали, что будет такой подъём русской военной промышленности. Но могло это произойти только потому, что в России к этому времени был мощный, независимый от государства частный капитал. Без него ничего бы не получилось.

Теперь о положении нашего общества. Война очень своеобразно на нём отразилась. Русское общество было в основном сельским, крестьянским – 78 % русских людей работали на земле как крестьяне, казаки. Они и были основным корпусом Русской армии. К 1916 году в армию была призвана почти половина трудоспособного населения русской деревни. Если вы думаете, что это привело к упадку русской деревенской жизни, русского сельского хозяйства, то вы глубоко ошибаетесь. Никогда русская деревня не жила так богато, как во время Первой Мировой войны. Крестьяне называли

деньги, которые посыпались в деревню, бешеными деньгами. Люди попроще на них покупали себе вкусную еду, граммофоны, зеркала, а люди поумнее и побогаче прикупали землю. И до такой степени поприкупались, что в европейской части России к январю 1917 года 89,6 % пахотной земли уже было в руках крестьян. Ни о каком помещичьем землевладении как о доминирующей форме речь уже не могла идти.

Почему же крестьяне так богатели, откуда этот золотой дождь? Из нескольких источников. Во-первых, не забудем, что солдаты, уйдя на фронт, поступали на полное довольство государства. Соответственно, их не надо было уже ни кормить, ни поить их общинам, домочадцам. Наоборот, солдаты не только получали довольство, но и деньги, и поэтому они могли помогать своим семьям. Но не только это. За каждого призванного солдата государство платило пенсию его семье, и немалую. Соответственно это были живые деньги. В-третьих, была реквизиция скота, в первую очередь лошадей, но потом и иного скота – на мясо, на кожу. Но реквизиция совсем не большевицкая, реквизиция по хорошим ценам. И наконец, последнее – рост цен на продукты питания. Крестьяне, которые сами кормились с земли и продукты питания почти не покупали, от этого роста цен не страдали. Зато они получали огромную прибыль, потому что продавали эти продукты на рынке по высоким ценам, и, соответственно, денег в карман крестьян шло всё больше и больше.

Государство пыталось рост цен контролировать. Наши

необольшевики любят говорить о том, что «продразвёрстку ещё царь Николай ввёл», что «продажу по твёрдым ценам ещё царь Николай установил». Да, пытались. В сентябре 1916 года был принят закон, считающий уголовным преступлением завышение цен сверх разумного на товары первой необходимости. Этот закон не применялся. Потому что были свободные суды, никаких трибуналов. А в суде доказать, что эти цены сверх разумного, было практически невозможно. То есть закон этот был только на бумаге, он не применялся. Второе – реквизиции. Реквизиции проходили по твёрдым ценам, но эти цены уже не соответствовали реальным ценам на рынке. А крестьяне отказывались сдавать скот и продукты своего труда по заниженным ценам. Не забудем, что страна была свободная и крестьян против воли никто заставить продавать не мог. Они говорили, что это мясо, этот хлеб, этот скот нужны им в домашнем хозяйстве, и никто не мог его отнять ни по каким ценам. Поэтому реквизиции, которые были введены в ноябре 1916 года, тоже провалились. Власти силой не могли ничего добыть у крестьян.

Для крестьян война, конечно же, тоже была кровью, тоже приходили похоронки. Но не забудем, что в три раза больше, чем похоронок, было писем из лагерей для военнопленных. Переписка же была, соблюдались Гаагские конвенции, всё было нормально. И русские военнопленные писали, что они живут в лагерях неплохо и ждали только, когда война кончится, чтобы вернуться домой. Поэтому в крестьянской

среде в общем не чувствовалось в целом войны как тяжёлой беды. Хотя от войны все стали уставать. Жены стали уставать, что мужья на фронте, матери – что сыновья на фронте. В каких-то случаях крестьяне предпочитали не продавать товары, ожидая дальнейшего повышения цен, что тоже затрудняло уже сложившиеся экономические отношения. Но ничего трагичного во время войны в деревне не было.

А вот где ситуация действительно была трагичной, так это в городе среди рабочего населения, которое жило на зарплату. Если у них не было близких связей с деревней – там положение рабочих было тяжёлое. Зарплаты выросли примерно на 100 % к 1916 году, но цены выросли на 300 %. Реально ощущался недостаток самого важного, самого необходимого. Уровень жизни в городе среди рабочего населения резко упал. Недовольство было реальным. Именно в городе, а не в деревне складывалась напряжённая, почти революционная ситуация. Естественно, она не распространялась на высшие классы, которые жили хорошо. Но хорошо-то хорошо, но совсем не так, как нам кажется, потому что в каждой семье, даже богатейшей, аристократической, купеческой, молодые люди считали своим долгом идти воевать на фронт и умирать. Когда у такого крупнейшего финансиста, как Александр Васильевич Кривошеин, министра земледелия и землеустройства, старшие сыновья в начале войны спросили, что им делать (они сами были людьми бизнеса), отец им сказал: «Я бы на вашем месте даже не спрашивал. По-моему,

всё ясно». И они пошли на фронт.

В этой ситуации именно в городах назревает кризис. Причём если на фронтах достигаются победы, то в городах это не ощущается. Эти победы на город, да и на деревню тоже, не распространяются. В городе начинает всё больше и больше чувствоваться, что жизнь становится очень тяжёлой. Хотя карточек нет, голода, в общем, нет, продукты есть, денег становится мало, жить становится тяжелее. И начинается недоедание. Не забудем, что в это время в Германии просто голод. 1916 год назван «брюквенным» годом в Германии, потому что совсем нет еды. Едят брюкву, которой скотина до этого питалась. В России до такого не доходило, но всё же было тяжело. И поэтому в конце октября 1916 года в стране начинается забастовочное движение. Говорят, что его инспирировали немцы. Немцы не немцы, но в нём участвовали десятки и сотни тысяч рабочих. И надо сказать, что войска – это был очень серьёзный сигнал – в Петербурге переходили на сторону рабочих и стреляли в полицию, в казаков. После забастовок и демонстраций под лозунгами «Долой войну», «Долой союзников» 31 октября 1916 года было казнено в одном Петербурге сто пятьдесят солдат за нарушение присяги, то есть за то, что они выступили на стороне восставших. Низы общества бурлили.

Здесь надо сказать буквально два слова о состоянии умов. Русское общество в целом было малообразованное, малокультурное, это все знают. Вот, например, как генерал Бру-

силов вспоминает состояние умов новобранцев: «Прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову – как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы – не знал почти никто; что такое славяне – было также тёмно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу Царя». Поэтому всё в армии держалось на доверии к власти.

Беда же заключалась в том, что после войны с Японией и революции 1905–1907 годов Царя считали неудачником. Его в народе считали несчастливым, невезучим. Кровавое воскресенье никто не забыл. Поэтому первый подъём патриотизма в августе 1914 года легко сменился разочарованием. 1915 год, тяжёлое отступление армии привело к очень большому разочарованию. Началось дезертирство. Этого не знал полковник Нокс, но мы это знаем, к 1917 году так или иначе из армии дезертировало около миллиона нижних чинов. Это люди, которые прятались от призыва на дальних зимовьях или в подклетах изб, после призыва бежали из эшелонов по пути на фронт, бежали с фронта, не возвращались после побывок и т. д. Россия была большой, контроль был плохой, это было вполне можно сделать. Офицеры всё чаще и чаще с

позиции во времена затишья уезжали в город самочинно, без разрешения, «проветриться». И, в общем, на это тоже никто не обращал внимания. То есть патриотизма, о котором говорил недавно господин Путин как о главной идее России, на самом деле особого не было. Он был в первые дни войны, опять же была такая экзальтация, не зная почему, не зная для чего, но – Царь призвал, все умрём за Царя, «вперёд, ура!». Как у нас в 2014 году говорили, что «мы сухарики будем грызть, только бы Крым был наш». Но в России это быстро проходит. Этот угарный патриотический восторг, он долго не продолжается. Русский народ был необразован, он не знал ни истории, ни географии, не читал газет. А других средств массовой информации тогда не было.

Немцы были образованы намного лучше. Они воевали, если судить по распределению потерь, в шесть раз лучше русских. Вспомните роман Ремарка «На Западном фронте без перемен». Кто призывал героя романа и его друзей идти на фронт? Учитель греческого языка гимназии. В гимназии учили греческий язык, немцы были очень культурными. Немецкие солдаты даже многие говорили по-древнегречески, читали Софокла. Но от этого цели их войны не становились благороднее. К сожалению, заурядный культурный человек индоктринируется ещё легче некультурного, вот это очень важно понять. Некультурный человек может загореться и так же легко остыть. Культурный загорится и не остынет легко. Немцы не остыли даже в 1945 году, не остыва-

ли долго, понадобилась смена поколений. Потому что немцы были культурными. Но обмануть, соблазнить можно почти каждого. Культура – не панацея от политического безумия. Это очень важный урок. Только культурный человек иначе безумствует, чем некультурный. Некультурного можно поднять, а потом, как у нас грубо говорят, он будет досадливо чесать репу. А культурный будет биться и умирать, и жизнь отдавать ради идиотских идей, как это делали немцы. Что лучше – это дело вкуса. И то и то плохо на самом деле…

Русский солдат во время Великой войны не имел сознательного патриотического чувства, не имел чувства славянского братства. Он непонятно за что воевал, и пока верили Царю хоть как-то, пока успешна была война, пока наступление шло на фронте, всё было неплохо. Но когда началось Великое отступление, Великое стояние на большинстве фронтов в 1916 году, то доверие к Царю-батюшке стало быстро размываться.

Вторая составляющая – это вера. Не надо думать, что русский мужичок был очень религиозен. Нет. Он, конечно, если бы его спросили в упор, как сейчас делают социологи: «В Бога веришь?» – ответил бы: «Конечно». – «Православный?» – «Ну конечно, православный». Но если копнуть дальше – там ничего нет. Поэтому первой реакции мужичка не следовало особенно доверять. Дело в том, что долгий период крепостного состояния, стремление не учить людей вере, культуре, грамоте, всему прочему, сделало веру, в общем-то, чу-

жим делом, не своим делом для большинства русских людей. Они не знали ни богословия, ни молитв, ничего. Они не могли религиозно себя понудить к жертве. Поэтому такой большой процент сдавшихся в плен. Для человека обычного жизнь дороже всего. А чему мы удивляемся? А сколько русских людей сдалось в плен в первые полтора года нашей Второй Мировой войны, которую мы называем Великой Отечественной? Ещё больше, намного больше.

Два главных столпа, на которых зиждется нация, – вера в Бога и любовь к отечеству – оба были в России крайне слабы. И эти два столпа подменялись одним – стабильностью традиционного уклада, персонализированного в Царе. Мы знаем из многих воспоминаний, в том числе Ивана Бунина, что, когда Царь отрёкся от престола, мужики просто говорили: «Царя нет – теперь всё позволено». А некоторые культурные, интеллигентные люди, мы знаем их имена, кончали самоубийством, когда отрёкся Царь, потому что считали, что России больше нет. Мы знаем, что сейчас некоторые говорят: «Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России». И тогда и сейчас – это очень вредное представление. Потому что, какой бы ни был человек – хороший ли, умный ли, – Россия умнее и лучше самого гениального человека и переживёт его. Но и ориентация на царя была, как оказалось, очень слаба в русском обществе. А тяготы начались серьёзные, особенно в городе, и жертвы пришлось приносить серьёзные на

фронте, причём жертвы не только в лихой атаке – «на миру и смерть красна», но и в окопной войне. Сидеть во вшах в мокром окопе, в снегу и в воде зимой, скажем, конца 1915 года – тогда мир покажется с овчинку, особенно когда из деревни приходят письма, в которых намекают, что «твоя-то Машка-жена, она там не очень тебя ждёт». Тут уж бедному солдату совсем худо становится. А жена-Маша не очень ждёт почему? Потому что своих мужиков в деревне осталось мало, но жизнь в деревне налаживалась – в Среднюю Россию пришло огромное количество беженцев из западных губерний. Например, в одной Самарской губернии в 1916 году было 37 тысяч беженцев, работавших в сельском хозяйстве. Это, естественно, были мужики. А военнопленные? Ещё лучшие мужики. Хороших мужиков из западных губерний на фронт послали. А военнопленные как раз хорошие мужики, да ещё и обходительные иностранцы. А военнопленных работников в одной Самарской губернии было 43 700 человек. И в других губерниях так же. Эти военнопленные – это совсем не советские военнопленные времён Второй Мировой войны, их-то по всем правилам Гаагской конвенции содержали, деньги карманные давали. Понятно, что для оставшихся без женихов девок они были очень интересными друзьями. Какие-нибудь чешские, немецкие, венгерские солдатики, ефрейторы, да и работали они хорошо. И этот момент надо тоже учитывать. Он был болезненным. То есть русский мужик, умиравший в окопе, кормивший вшей, чувствовал, что там, в де-

ревне, замена-то есть и жизнь без него налаживается. И из-за этого он ощущал себя очень несладко.

Вот что пишут в полицейском донесении октября 1916 года, почти современный язык: «Необходимо признать безусловным и неоспоримым, что внутренний уклад русской государственной жизни в данный момент находится под сильнейшей угрозой неуклонно надвигающихся серьёзных потрясений, вызываемых и объясняемых исключительно лишь экономическими мотивами: голодом, неравномерным распределением пищевых припасов и предметов первой необходимости и чудовищно прогрессирующей дороговизной. Вопросы питания в самых широких кругах населения огромной Империи являются единственным и страшным побудительным импульсом, толкающим эти массы на постепенное приобщение к нарастающему движению недовольства и озлобления. В данном случае имеются точные данные, позволяющие категорически утверждать, что пока это движение имеет строго экономическую подкладку и не связано почти ни с какими чисто политическими программами. Но стоит только этому движению вылиться в какую-либо реальную форму и выразиться в каком-либо определённом действии (погром, крупная забастовка, массовое столкновение низов населения с полицией и т. п.), оно тотчас же и безусловно станет чисто политическим». Это – октябрь 1916 года.

Что же происходит в это время в обществе? Не в народе, не в экономических силах, а в обществе. Происходит следу-

ющее. Всё остальное, что я говорил до сих пор, это разные уровни фона. А вот теперь о контенте, о содержании. Потому что хотя мы и мучаемся из-за того, что только 13 % населения – против, а 87 % – за, но на самом деле все реальные политические процессы осуществляются несколькими процентами граждан. Все остальные – это примкнувшие товарищи, или наблюдатели. И конечно, то, что называлось в России «ведущим слоем», политически активным слоем, вот его настроения наиболее интересны.

Как вы помните, в первый период войны, в первые месяцы войны, был колоссальный патриотический подъём. Полное единение Государственной Думы, левых и правых фракций. Дума ведь была настоящей, не как сейчас. И тем не менее во время исторического заседания Думы в начале войны Милюков пожимает руку Пуришкевичу, радикально правому, демонстрируя, что все они вместе. Одни социал-демократы выступают против войны, причём только фракция большевиков. Но их и арестовывают. А все остальные: и меньшевики, и социал-демократы оборонцы, и партии более правые, и все народы Империи, даже немцы – все соединились в идее сплочения Царя и народа. Собственно говоря, на этом принципе единства Царя и народа и строятся Военно-промышленные комитеты, как единство царской администрации и частного капитала. Единство Царя и народа – это не то что плакат нарисовать, это надо вместе работать. Причём работать не так, что одних гонят на убой, а другой их гонит на

убой. Нет, не такое единство. Единство – это когда люди собираются, промышленники Рябушинский и Коновалов и министры Царя, и вместе обсуждают, как развивать, и что развивать, и где развивать, каждый говорит, что он даст, какие ресурсы, – вот это единство. Это единство не дурацкое, это – настоящее единство. И оно приносит свой плод колоссальный. Надо сказать, что работа Военно-промышленных комитетов вместе с этим военным патриотизмом и принесла свой плод.

Сначала был всеобщий патриотизм, а потом в народе – тяжёлый шок от отступления. В народе, но не в обществе. Общество, депутаты Думы понимают, что этот тяжелейший момент испытания надо суметь пережить. Они образованные, культурные люди. Так же как и царские министры, они понимают, что ситуацию переломить можно, что союзники сильны. В общем деле Антанты Россия, по объективным показателям, проиграть практически не может, если в ней не произойдёт революционный срыв. А революция, увы, возможна.

Урожденная Нина Мещерская, дочь крупнейшего миллионера Алексея Мещерского, владельца коломенских и царицынских заводов, которые стали в 1914 году строить «Мещерский и Vickers-Armstrongs», тех самых царицынских заводов, которые потом станут бронетанковыми заводами Сталинграда, вспоминает, что у них в семье и вообще в богатом Петербурге говорили, что «если мы будем делать что-то неправильно, то будет „Ре" (т. е. революция)». Они никогда

не произносили слово целиком, боясь прислуги; прислуга не должна была понимать, о чем они говорят[3]. Так вот ожидали этого «Ре», предполагали это «Ре» и боялись этого «Ре». И поэтому – совместные усилия правительства и частного капитала.

Настоящая беда заключалась в том, что боялись не только «Ре», но и народа. Революцию, конечно, бояться надо, но не народа. А вот все боялись друг друга. Царь и то, что называлось царской бюрократией, и общество – они воспринимали друг друга как враги. Да, в первые месяцы войны это чувство исчезло, но потом оно появилось снова.

В тяжёлый момент, когда Русская армия поздней весной и летом 1915 года, истекая кровью, отступала из Польши, Царь протягивает руку обществу. Он всё понимает, он не простачок. Он смещает самых одиозных министров и назначает министров, которые пользуются доверием Думы. Царь смещает Николая Алексеевича Маклакова, родного брата известного члена Конституционно-демократической партии (к.-д.) Василия Маклакова. Политически братья находились на совершенно разных позициях. Удивительно, два брата, выросшие под одним кровом. Николай Маклаков был министром внутренних дел и главным вдохновителем восстановления авторитарного режима. Он, а не премьер-министр Горемыкин, постоянно рекомендует Царю не созывать Думу, ввести авторитарное правление до конца войны. Смещается Ни-

---

[3] *Н. А. Кривошеина.* Четыре трети нашей жизни. М.: Русский путь, 1999.

колай Маклаков. Вместо него назначается весьма либеральный князь Николай Борисович Щербатов, рюрикович, известный украинский землевладелец. Смещается генерал Сухомлинов, и не только смещается, но и сажается в крепость, ему объявляется подозрение в государственной измене. Но измены как таковой не было, а была фантастическая русская безответственность. Разведясь со своей старой женой, женившись на молодой и красивой женщине, которая к нему перебежала от своего мужа как к более богатому и влиятельному человеку, он совершенно обо всём забыл и думать о деле даже не желал. Такое бывает, увы, и в государственной жизни. Он даже смещает тех генералов, весьма влиятельных, которые говорят, как надо повысить производство снарядов, как сделать то-то и то-то. «Главное, не мешайте мне радоваться жизни», – почти в открытую объявляет министр Сухомлинов. Всё это кончилось очень плачевно для Русской армии в 1915 году. И как раз один из людей, которых он сместил, генерал от инфантерии Поливанов, сравнительно молодой, был назначен на его место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.